

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

САМОЗВАНЦЫ В РОССИИ XVII—XVIII ВЕКОВ

С. М. Троицкий

Самозванцы, самозванство... При этих словах большинству читателей сразу же вспоминается «царевич Дмитрий», он же Лжедмитрий I, описанный А. С. Пушкиным в драме «Борис Годунов». Кроме этого самозванца, в России XVII—XVIII вв. были еще Лжедмитрий II, Лжешуйские, несколько самозванных сыновей царя Ивана Алексеевича, Петра I и его сына Алексея Петровича, самозваные «Петры III», «дочь» императрицы Елизаветы Петровны, «принцесса Владимирская княжна Тараканова» и многие другие. В одних случаях появление самозванца или слух о нем служили толчком к крупным антифеодальным выступлениям народных масс (как это было с Лжедмитрием I и Лжедмитрием II); в других — вожди народных движений сами объявляли себя представителями «хорошего царя» (так, предводитель первой в истории России крестьянской войны И. И. Болотников назывался «большим воеводой царевича Дмитрия»), а С. Т. Разин действовал от имени «царевича Алексея Алексеевича», которого он якобы возил в своем войске) Е. И. Пугачев, возглавивший последнюю крестьянскую войну, именовал себя «царем Петром III». Нередко же самозванцы являлись просто политическими авантюристами, преследовавшими узкокорыстные цели, либо были ставленниками определенных кругов господствующих классов России, а порой и соседних стран. Исторической науке известно несколько десятков самозванцев, появлявшихся в России XVII—XVIII веков. Но только в редких случаях историки располагают более или менее полными сведениями о всей деятельности самозванцев, об их судьбе.

Чем же объяснить распространение самозванства в России XVII—XVIII веков? Почему оно, по выражению В. О. Ключевского, в определенные эпохи было «хронической болезнью государства»? Из каких слоев населения выходили самозванцы? Кто их поддерживал? Чего они добивались? Постараемся ответить на эти вопросы.

В 1601 г. в Москве стали распространяться слухи о том, что на западных рубежах Русского государства, в Речи Посполитой, появился человек, который называет себя сыном Ивана IV царевичем Дмитрием. Летом 1602 г. Лжедмитрий I нашел пристанище при дворе влиятельного польского магната князя Адама Вишневецкого, который оказал всемерную поддержку молодому авантюристу. В последующие два года шла активная подготовка к походу в Россию. Самозванец бывал в замках многих польских магнатов и шляхтичей и посвящал их в свои планы занять московский престол. Он соблазнял охотников идти с ним большим жалованьем и обещаниями высоких постов. Лжедмитрием I заинтересовался польский король Сигизмунд III и представитель римского папы; «царевич Дмитрий» был приглашен к королевскому двору в Краков. С этого момента политические акции самозванца стали быстро расти. Его активно поддерживали реакционные круги польских и литовских феодалов, мечтавших захватить часть русских земель и подчинить Россию Речи Посполитой. Лжедмитрий I в обмен за поддержку его деньгами и военными силами сулил им исполнение всех их желаний. Он обещал после своего воцарения отдать Польше Северскую и Смоленскую земли. Это обязательство было скреплено в заключенном с королем тайном соглашении. Самозванец принял католичество и заручился поддержкой папы римского. Всеми приготовлениями Лжедмитрия I к походу на Москву руководил воевода г. Сандомира Юрий Мнишек. Лжедмитрий I присил руки его дочери Марины. В соответствии с брачным контрактом он должен был выплатить ее отцу 1 млн. золотых на покрытие долгов, а жене отдать в удел Псков и Новгород. В конце октября 1604 г. Лжедмитрий I с армией, насчитывавшей около 20 тыс. человек, переправился через Днепр и вторгся в пределы Русского государства. Его быстрому продвижению содействовала развернувшаяся в стране социальная борьба; к «царевичу» присоединялись крестьяне, холопы, посадские люди. Поддерживали самозванца также мелкие и даже средней руки помещики, отдельные бояре и князья южных районов Русского государства. Многие города сдавались без боя, а некоторые воеводы оказали самозванцу поддержку. После скоропостижной смерти царя Бориса Годунова (13 апреля 1605 г.) царские войска, осаждавшие отряды самозванца в Кро-

¹ В. О. Ключевский. Соч. Т. 3. М., 1957, стр. 27—28.

мах, перешли на сторону Лжедмитрия I. 1 июня 1605 г. в Москве вспыхнуло народное восстание, молодого царя Федора Годунова свергли и утервили. 20 июня Лжедмитрий I вступил в Москву. Кто же был этот самозванец? Что обеспечило ему столь быстрый успех?

Как известно, малолетний сын Ивана Грозного от последней, седьмой, жены Марии Нагой (в монашестве — Марфы) царевич Дмитрий погиб в Угличе 15 мая 1591 г. при загадочных обстоятельствах. По одной версии, он, играя в «тычку», нечаянно наткнулся на нож в припадке падушей болезни; по второй — вообще погиб не Дмитрий, которому удалось спастись, а другой человек. Существует третье, возможно, более близкое к истине мнение, что Дмитрия убили по приказу Бориса Годунова, желавшего устранить претендента на царский престол после смерти бездетного царя Федора Ивановича. Следственная комиссия во главе с боярином В. И. Шуйским составила заключение, из которого следовало, что царевич Дмитрий умер ненасильственной смертью. Вопрос о «чудесном» спасении Дмитрия всплыл в начале XVII века. Крупные бояре, недовольные правлением Бориса Годунова (1598—1605 гг.), ущемлявшего их права и привилегии и опорившегося на дворянство, пустили слух о «спасении» Дмитрия для того, чтобы устранить с престола неугодного им царя. Этот слух подхватили польские феодалы с тем, чтобы воспользоваться именем Дмитрия для организации агрессии против Русского государства. В роли «царевича Дмитрия», согласно наиболее распространенной в литературе точке зрения, выступил беглый дьякон московского Чудова монастыря Григорий Отрепьев, происходивший из семьи небогатого галицкого феодала. Как образно выразился В. О. Ключевский, Лжедмитрий I «был только испечен в польской печке, а закован в Москве»².

Обстановка для появления самозванца оказалась весьма благоприятной. Хозяйственный кризис в России конца XVI в., усиление закрепощения крестьян вызвали рост недовольства в деревне, а также низов посадского населения. Конец двинутости Юрюковичей, смерть Дмитрия, избрание Бориса Годунова царем сопровождалась обострением борьбы за власть между боярско-дворянскими группировками. Выступление самозванца на политической арене совпало по времени с началом первой антифеодальной крестьянской войны в России. Народные массы наивно верили, что чудом спасшийся «царевич Дмитрий» принесет им избавление от тяжелой крепостной неволи. Поддержка народа облегчила новоявленному царю захват власти.

Лжедмитрий I оказался ловким политическим авантюристом и к тому же неплохим актером. Самозванец быстро понял, что осуществление его честолюбивых планов во многом будет зависеть от того, признает ли его население подлинным Дмитрием. Еще находясь в Польше, Лжедмитрий I в 1604 г. тайно переправлял в Россию с верными ему людьми грамоты, в которых рассказывал о своем чудесном спасении³. Такие же грамоты самозванец рассылал и во время похода на Москву. Для завоевания популярности он, по словам современника, принимал делегации жителей разных городов, «вел продолжительные беседы с именитыми людьми, рассказывая им о своих приключениях так, чтобы утвердить их в лучшем мнении о себе и стать любезным народом»⁴. Но самозванец, не имея достаточного опыта в проведении подобных встреч и не зная обычая, допускал серьезные промахи. Так, когда весной 1605 г. «всяких чинов люди» во главе с боярами князем И. М. Воротынским и А. А. Телятевским привезли Лжедмитрию I «повинную» от Москвы, он принял их одновременно с пришедшими с Дона казаками. При этом «царевич» допустил казаков к руке «преже московских бояр», а казаки «лаiali и позорили их»⁵. Когда правительство Бориса Годунова, обеспокоенное успехами самозванца, стало разъяснять населению, кто такой Лжедмитрий I, последний встревожился и принял контрмеры. Находясь осенью 1604 г. в г. Путьевле, он обвинил одного человека, якобы Г. Отрепьева, в колдовстве и приказал бросить того в тюрьму. Во время похода на Москву Лжедмитрий I, уже принявший католичество, всячески подчеркивал свою приверженность православию и публично молился перед иконами⁶. Более того, самозванец с помощью угроз и посул попытался склонить на свою сторону Марию Нагую и ее родственников, чтобы «доказать» свое царское происхождение. Он пожаловал братьям опальной царицы боярство «и вотчины великие и дворы Годуновых и животы». Будучи недовольными Б. Годуновым, братья царицы охотно пошли служить «Дмитрию». Однако Мария Нагая не сразу «признала» Лжедмитрия I своим сыном. Самозванец, посылая в далекий монастырь, где она находилась в ссылке, своего постельщика Семена Шапкина, женатого на двоюродной сестре царицы, не ошибся в своих расчетах: Марфа предпочла быть матерью самозваного «царя» и жить в столице, чем прозябать в захолустном монастыре⁷. Лжедмитрий I тщательно разыграл сцену свидания со своей «матерью» — инокиней Марфой Нагой. По свидетельству голландского купца И. Массы, самозванец выехал из Москвы в село

² Там же, стр. 32.

³ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1937, стр. 190.

⁴ И. Массе. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 110.

⁵ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 217.

⁶ О. Пирлинг. Дмитрий. Самозванец. М. 1911, стр. 174—175.

⁷ И. А. Голубцов. «Измена» Нагих. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. 4. М. 1929, стр. 65.

Тайнинское встречать Марфу. Он пал к ее ногам на глазах толпы «и вместе со всеми вельможами шел с обнаженной головой подле ее кареты до ее кельи к великому изумлению народа»⁸. Позже он, поселив ее в Москве, на виду у всех, посещал «мать» в Кремле по нескольку раз в день.

Удаление останков Бориса Годунова из Успенского собора, уничтожение его дома в Москве, возвращение из ссылки своей «родни» Нагих, торжественное венчание на царство в Успенском соборе, поклонение праху Ивана IV и своего «брата» Федора Ивановича — все эти действия самозванца преследовали лишь одну цель — убедить народ в том, что налицо подлинный «царевич Дмитрий». Молва о подобных действиях расходилась не только по России, но и по Западной Европе⁹. В 1605 г., когда Лжедмитрий I занял царский престол, ему было около 23—24 лет. В записках современников, довольно близко наблюдавших самозванца, сохранились любопытные записи, рисующие облик нового «царя»: «Он (Дмитрий.— С. Т.) был мужчина крепкий и коренастый, без бороды, широкоплечий, с толстым носом, возле которого была синяя бородавка, желт лицом, смугловат, обладал большою силою в руках, лицо имел широкое и большой рот, был отважен и неустрашим, любил кровопролития, хотя не давал это заметить»¹⁰. Таким самозванец изображен и на дошедших до нас портретах. Современники единодушно отмечали властолюбие Лжедмитрия I, его надменность, тщеславие, жажду роскоши, пренебрежение к русским людям и их обычаям: «Его копейщики и алебардники, приветствуя его и царицу, когда они проходили мимо, должны были уже не только делать поясной поклон и сгибать колени, а обязаны были вставать на одно колено»¹¹. Самозванец любил пиры, охоту и такие зрелища, как травля медведей. Чтобы сблизиться с боярами и верхами столичного дворянства, он часто устраивал «веселые охоты и потехи».

Лжедмитрий I ввел многие новшества в царский быт. Он отменил некоторые старые «обычаи и церемонии за столом, также и то, что царь беспрепятственно должен был осенять себя крестом и его должны были опрыскивать святой водой». Если раньше русские цари сами не могли шагу ступить без помощи слуг и придворных, «не могли переходить из одного покоя в другой, а множество князей должны были вести их, держать, прямо чуть ли не нести», то теперь царь один — иногда в сопровождении лишь нескольких приближенных — прогуливался по дворцовым покоем и улицам Москвы, заходил в казну, в аптеки, к ювелирам. На богомолье он отправлялся не в карете, а верхом на лошади. Ничего подобного прежние цари себе не позволяли. Явное нарушение традиций и «старини» давало пищу для толков среди разных слоев населения Москвы относительно «подлинности» нового царя и играло на руку некоторым кругам дворцовой знати во главе с В. И. Шуйским в их борьбе против Лжедмитрия I. Самозванец любил заседать в Боярской думе и поучать бояр. Ему нравилось произносить речи, особенно при народе. Находясь у власти, Лжедмитрий I постоянно заботился о своей популярности среди населения. С этой целью он велел объявить о необходимости решать все дела без волокиты и взяток. Однако подобные демагогические жесты не принесли самозванцу народного признания. Чтобы воздействовать на сомневавшихся, Лжедмитрий I прибегал и к угрозам. Когда в январе 1606 г. среди московских стрельцов усилились слухи, что царь — самозванец, то по приказу Лжедмитрия I семь человек были схвачены и доставлены в царский дворец. Здесь Лжедмитрий I в присутствии бояр и толпы стрельцов произнес речь, в которой доказывал свои «царские права», и призвал к расправе с «бунтовщиками», что и было сделано. «Статочное ли дело,— говорил он,— чтоб кто-нибудь мог, почти не имея войска, овладеть могущественным царством, когда у него не было ни то права?»¹².

Однако самозванец недолго удержался у власти. Проведение крепостнической политики правительством Лжедмитрия I, рост налогов, недовольство части бояр и дворян его действиями ослабили позиции самозванца. Жители столицы все больше возмущались поведением пришедших с самозванцем польских панов. Во время праздничных торжеств в Москве по случаю свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек группа бояр во главе с В. И. Шуйским организовала заговор и 17 мая 1606 г. подняла восстание, которое поддержали горожане. Самозванец был убит заговорщиками. Позже его труп выкопали и сожгли, а пеплом зарядили пушку и выстрелили из нее. Царский трон занял боярин В. И. Шуйский, который энергично доказывал, что настоящий царевич Дмитрий погиб в 1591 г. в Угличе. Прах царевича перенесли в Москву, а его самого причислили к лику святых. Марфа Нагая заявила в Кремле, что Лжедмитрий I не был ее сыном, а братья бывшей царицы утверждали, что истинный царевич был убит по приказу Годунова. В. И. Шуйский распорядился арестовать в Галиче родственников Григория Отрепьева. Разные группировки бояр, писал В. О. Ключевский, «видели в самозванце свою ряженую куклу, которую, подержав до времени на престоле, потом выбросили на задворки»¹³. Спустя несколько дней после убийства Лжедмитрия I по Москве стали распространяться слухи, что вместо «царевича Дмитрия» будто бы убили

⁸ И. М а с с а. Указ. соч., стр. 113.

⁹ О. П и р л и н г. Указ. соч., стр. 211—212, 220, 222—224, 230.

¹⁰ И. М а с с а. Указ. соч., стр. 143.

¹¹ К. Б у с с о в. Московская хроника. 1584—1613. М.-Л. 1961, стр. 129.

¹² И. М а с с а. Указ. соч., стр. 123.

¹³ В. О. К л ю ч е в с к и й. Указ. соч., стр. 35.

похожего на него человека, а сам он бежал с несметными богатствами не то в Литву, не то в Англию¹⁴.

Прошло немногим более месяца после убийства Лжедмитрия I и воцарения В. И. Шуйского, как в июне 1606 г. на юге России началось мощное антифеодальное восстание, которое возглавил беглый холоп князя Телятевского И. И. Болотников. Первая антифеодальная крестьянская война в России достаточно полно освещена в исторической литературе¹⁵, поэтому мы коснемся лишь тех ее аспектов, которые помогут раскрыть роль самозванства в классовой борьбе трудящихся. Восставший народ требовал уничтожения помещиков и ликвидации крепостнических отношений в стране. Политическим лозунгом восстания было свержение боярского царя Василия Шуйского и передача власти «хорошему царю Дмитрию». В сознании народа, мечтавшего изменить свое тяжелое положение с помощью «хорошего царя», сложилась легенда, идеализирующая «царевича Дмитрия», которого бояре якобы лишили власти и помешали ему творить добрые дела для народа (новый самозванец Лжедмитрий II появился на исторической сцене позже, летом 1607 года). Наивная вера крестьян в «хорошего царя» сыграла определенную роль в мобилизации сил восставших и в известной мере способствовала их сплочению. Предводитель крестьянской войны И. И. Болотников как «воевода царя Дмитрия» рассылал населению «листы» с призывом к восстанию и расправе с боярами и дворянами. Во время похода на Москву осенью 1606 г. из лагеря восставших в селе Коломенском вышло много политических документов от имени «царя Дмитрия». Болотникову и другим руководителям восстания на время удалось тогда создать впечатление, что «царь Дмитрий» находится с ними. Вера многих участников восстания в реальность существования «царевича» была велика. Иностранцы наблюдатели писали, что отряд Шуйского захватил под Москвой одного из распространителей «листов». Его допросили и «посадили на кол, а он, умирая, постоянно твердил, что прежний государь Дмитрий жив и находится в Путивле». Многие восставшие, попав в плен к Шуйскому, говорили, что Дмитрий жив и они видели его своими глазами¹⁶. Но были и сомневавшиеся. Так, под Москвой к Болотникову приходила делегация москвичей и просила показать «царя». Болотников им ответил, что «царь Дмитрий» скоро придет «из Литвы со многими людьми»¹⁷.

В конце 1605 — начале 1606 г. на Тереке появился среди местных казаков «царевич Петр», якобы сын умершего в 1598 г. царя Федора Ивановича, «чудесно спасшийся» от убийц, подосланных Борисом Годуновым. В действительности это был сын бедного посадского человека из г. Муром Илейка Муромец, прижитый матерью «без венца» и не познавший радости ни в детстве, ни в юности. Он много скитался по России: был «сидельцем» в лавках нижегородского купца, плавал по Волге «кормовым казаклом для стряпни», сменил много профессий, а затем стал терским казаклом. Оказавшись в Астрахани, участвовал в 1603—1604 гг. в военных походах казаков на Терек и в Тарки. Илейка был, несомненно, незаурядной личностью и храбрым человеком, обнаружившим способности к ратным делам. В 1605 г. казаки избрали его атаманом и объявили «царевичем Петром». Сначала казаки собирались идти в поход за добычей на Каспий. Однако разгоравшаяся в стране мощная антифеодальная война оказала воздействие и на них, частично вчерашних крестьян и холопов. Возглавляемый Илейкой отряд решил выступить против «лихих бояр», на помощь «царю Дмитрию», направлявшемуся к Москве. Отряд Лжепетра, послав гонца к Лжедмитрию I, двинулся вверх по Волге, чтобы соединиться с его войском. К «Петру» примкнули крестьяне, холопы, казаки. Когда отряд Лжепетра, дойдя до г. Свяжска, узнал о гибели «царевича Дмитрия», он повернул вниз и пошел на Северский Донец. Осенью 1606 г. Лжепетр откликнулся на призыв «воеводы царя Дмитрия» И. И. Болотникова и вместе со своим отрядом присоединился к основной армии повстанцев. В ходе борьбы с В. И. Шуйским «царевич Петр» не раз громил царские войска. После поражения повстанцев под Тулой 10 октября 1607 г. он был повешен на Серпуховской дороге, у Данилова монастыря¹⁸.

Однако и после поражения крестьянской войны под предводительством Болотникова в народе продолжали циркулировать слухи о том, что «царевич Дмитрий» не погиб, что ему удалось спастись, что скоро он снова придет с большой армией и освободит крестьян от власти помещиков. Такие настроения создали благоприятную обстановку для появления нового самозванца — Лжедмитрия II, выдававшего себя за Лжедмитрия I, которому будто бы удалось спастись во время восстания в Москве в мае 1606 года. Происхождение этого новоявленного авантюриста неясно. Существует предположение, что он был выходцем из г. Шклова, где у местного попа «детей грамоте учил, школу держал». Как и Лжедмитрий I, он был ставленником агрессивных

¹⁴ «Сказания современников о Димитрии Самозванце». Ч. 1. СПб. 1859, стр. 305; И. Массе. Указ. соч., стр. 157—160; С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 239.

¹⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л. 1966.

¹⁶ См. И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 44—45, 50—51, 91.

¹⁷ К. Буссов. Указ. соч., стр. 139.

¹⁸ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 365—373, 469—473, 492.

кругов Речи Посполитой. Поскольку из-за внутривосточных осложнений польско-литовские феодалы не смогли сразу начать открытую интервенцию против Русского государства, для этой цели был использован новый самозванец, поддержанный отрядами шляхты. В июле 1607 г. Лжедмитрий II из Стародуба-Северского предпринял поход на Брянск, затем направился к Туле, где находился Болотников, но дойти не успел: город пал. Выступление Лжедмитрия II против В. И. Шуйского поддержала часть крестьян и посадских людей, видевших в нем «законного царя», а также отдельные группы мелких и средних феодалов и казацкие отряды во главе с атаманом И. И. Заруцким. Летом 1608 г. Лжедмитрий II осадил Москву, но взять город не смог и обосновался в селе Тушино. В Тушинском лагере было сформировано правительство из части русских феодалов и приказных дельцов, возглавляли же лагерь фактически руководители польских отрядов. Самозванец не играл никакой роли, а был просто игрушкой в руках польской шляхты и русских бояр, недовольных Шуйским. Как писал современник этих событий, поляки «царем же играху яко детищем»¹⁹. В дальнейшем Лжедмитрия II прозвали «Тушинским вором». В августе 1608 г. в Тушино прибыли поляки во главе с Ю. Мнишком, а затем и Марина Мнишек, которая тайно обвенчалась с Лжедмитрием II. Самозванец обещал ее отцу за «признание» его царем и спасшимся мужем Марины 14 русских городов. Открытые связи Лжедмитрия II с Польшей, грабежи населения тушинцами, обострение противоречий внутри Тушинского лагеря вызвали отход от самозванца части населения. А вскоре, в результате начала открытой интервенции Польши против России, исчезла необходимость в Лжедмитрии II, что сузило базу его движения, так как поляки, находившиеся в его войске, были отозваны в армию Сигизмунда III под Смоленск. Начались массовые выступления населения Русского государства против тушинцев. Лжедмитрий II, опасаясь, что его выдуют польскому королю, которому уже не был нужен «царь Дмитрий», переодевшись в крестьянское платье, 28 декабря 1609 г. бежал в Калугу. В июне 1610 г. он, собрав силы, снова подступил к Москве. Однако в августе Лжедмитрий II был вынужден вторично бежать в Калугу, где 11 декабря 1610 г. был убит²⁰.

Если Илейка Муромец был объявлен «царевичем Петром» и в дальнейшем стал активным вождем антифеодальной крестьянской войны, то оба Лжедмитрия, как видно, являлись политическими авантюристами, ставленниками агрессивных кругов польско-литовских магнатов. Их поддерживали и некоторые слои русских бояр и дворян, надеявшиеся использовать имя Дмитрия в борьбе со своими политическими противниками. Размах же выступлениям обоих Лжедмитриев обеспечила поддержка крестьян, холопов, посадских людей и казаков. Возникло сложное переплетение антифеодального движения народных масс, борьбы между различными слоями господствующего класса феодалов и настоящих попыток Речи Посполитой вмешаться в дела Русского государства. Подобная расстановка классовых и политических сил в стране создавала благоприятную почву для появления новых самозванцев. Летом 1607 г. в Астрахани действовало сразу трое «родственников» угасшей династии Юриковичей: «един назвался Август, царя Ивана сын», другой — Осиновик, «сын царевича Ивана», а третий — Лавер, царя Федора Ивановича сын». Сохранились глухие сведения о том, что «Август» был, вероятно, «боярским человеком» (холопом) или «мужиком пашенным» (крестьянином). Эти «царевичи» являлись выходцами из народа, что отражало его давнюю мечту о хорошем мужицком царе. Во главе казацких отрядов «самозванцы царевичи» пошли под Москву, на соединение с войском своего «родственника» Лжедмитрия II. По дороге казаки за что-то повесили одного «царевича», а двух других Лжедмитрий II приказал казнить, видимо, опасаясь, что приход оставшихся казаков, крестьян и холопов в его лагерь, и без того весьма разнородный и раздираемый внутренними противоречиями, может повредить его планам²¹. В начале XVII в. в разных районах России появились и другие многочисленные самозванцы «царевичи»: Василий, Гаврилка, Ерощка, Клементий, Мартынка, Савелий, Симеон, Федор. Из-за отсутствия источников трудно сказать, кем были эти самозванцы: то ли политическими авантюристами, пытавшимися соперничать с Лжедмитрием II, то ли предводителями крестьянских отрядов, выступавших против феодального гнета.

После поражения первой в России крестьянской войны и изгнания польско-шведских интервентов правительство царя Михаила Романова (1613—1645 гг.) настойчиво добивалось укрепления позиций новой династии, внимательно следя за политическими настроениями разных слоев населения и боясь появления каких-либо самозванцев. В течение первой половины XVII в. у Романовых было достаточно оснований для подобных опасений. Среди населения постоянно ходили слухи о «спасении» Дмитрия и о новых царевичах. Правда, с этого времени в самозванском движении отчетливо прослеживаются два течения: одно, связанное с появлением самозванцев, возглавлявших антикрепостническую борьбу народных масс, и другое, представленное политическими авантюристами, преследовавшими узкокорыстные цели. В 1622 г. правительство

¹⁹ «Сказание Авраамия Палицына». «Русская историческая библиотека», Т. 13. СПб. 1891, стр. 506.

²⁰ Подробнее см. А. А. Саввич. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII в. М. 1939; И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957.

²¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 244—254.

получило известие, что крестьянин Зарайского уезда Ларион Стрига, находясь в Коломенском уезде, говорил во время праздника крестьянам, что «Тушинский вор, который называется царевичем Дмитрием, жив». В августе 1625 г. был получен донос на «пушкаря Андриюшку» из Новосильского уезда, что он на пиру в доме у другого пушкаря «говорил про Тушинского вора, что-де был здоров Тушинский вор». Священник села Ильинского, Козельского уезда, в том же году в разговоре с казаками выразил свою мысль более определенно: скоро-де «опять на Украине царь проявится с вашим воровством»²². И позже в народе сохранялась память о Лжедмитрии I, которого темные, забытые крестьяне идеализировали и наивно считали «своим» царем. Так, в 1637 г. один чумаки в Переяславль-Рязанском уезде утверждал: «Ныне-де государь царь на Москве, а и он-де бывал нам брат мужичий сын»²³. Крестьяне мечтали о новом «мужичьем царе» и связывали с его приходом надежды на освобождение от крепостного гнета. К середине XVII в. эти настроения отчетливо прослеживаются. Так, крестьяне Шацкого уезда сговаривались между собой: «Сойдемся-де вместе и выберем себе царя». В других районах страны крестьяне пытались перейти от слов к делу. В Тверском уезде, например, в двух селах «крестьяне с красными фатами и пищалями носили на носилках человека, у которого на голове была корона, и называли его царем»²⁴. Царские чиновники, донося о таких фактах, пытались опорочить крестьян, заявляя, что все это произошло «на пиру», «в кабаке» или когда те были пьяны.

Наивный монархизм крестьянства нашел свое проявление и во время крестьянской войны 1670—1671 гг. под предводительством С. Т. Разина. Восставшие писали «преlestные письма» от имени С. Т. Разина, а также от имени сына царя Алексея Михайловича, незадолго умершего до этого царевича Алексея и от имени опального патриарха Никона. В этих письмах утверждалось, что Разин идет «по указу великого государя», чтобы «побить на Москве и в городах бояр и думных и всяких приказных людей и дворян... за измену». Бояре-изменники противопоставлялись в письмах царю. Причем «плохой» царь Алексей Михайлович, попавший под влияние бояр, по разумению восставших, должен быть заменен «хорошим» — царевичем Алексеем. Ему в занятых повстанцами районах население целовало крест и приносило присягу. Восставшие были убеждены, что царевич Алексей не умер, а вынужден был покинуть царский двор из-за сурового нрава отца и враждебного отношения бояр. Теперь С. Т. Разин и его войско хотят возвести царевича на престол²⁵. По свидетельству иностранцев, во время похода войск Разина вверх по Волге за ним следовали два судна. На первом судне, покрытом алым бархатом, якобы плыл «царевич Алексей»; на втором, затянутом в черный бархат, — «патриарх Никон». За «царевича Алексея» восставшие выдавали шестнадцатилетнего сына кабардинского мурзы князя Андрея Черкасского, захваченного ими при взятии Астрахани²⁶. И в этой крестьянской войне лозунг «хорошего царя» до некоторой степени способствовал мобилизации сил восставших, придавал видимость законности их выступлениям против царского правительства.

В конце XVII — первой четверти XVIII в. вновь появляются благоприятные условия для распространения самозванства. Усиление крепостнического гнета, длительные войны, жестокая расправа противниками реформы, иностранцы при царском дворе — все это вызывало недовольство различных слоев населения. В Преображенском приказе, ведавшем сыском по политическим делам, сохранились отзывы крестьян о делах в государстве: «Какой-де он государь, всех вытаскал в службу, все царство запустошил...» Некоторые крестьяне, судя по их высказываниям, считали Петра I человеком, «пустошившим» свое государство из-за любви к войнам и иноземным новшествам. Другие лица, консервативных взглядов, осуждали образ жизни царя и перемены в быту: он держит около себя «таких людей, которые ереси вводят», «бороды велит брить, платье поганское носить, табак курить». Среди крестьян получила распространение легенда о том, что Петр I не настоящий царь, а «подменный». Так, в 1701 г. крепостной крестьянин Ф. Степанов, слушая жалобы односельчан на тяжелое положение, заявил, что «государя-де на Москве нет. Семь лет в полону, а на царстве сидит немчин. Вот-де тысячи с четыре стрельцов порубил. Есть ли б де он был государь, стал ли б так свою землю пустошить». Крепостные крестьяне из Вевевского уезда считали, что «государь не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрали немцы у мамок, в малых летех...» Крестьянка Арина в 1718 г. поведала такую легенду о Петре I: «Государь не русской породы и не царя Алексея Михайловича сын, взят

²² Н. Новомбергский. Слово и дело государевы. (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича — 1649 г.). Т. I. М. 1911, №№ 20—22.

²³ Цит. по: Б. Тихомиров. Разинщина, М.-Л. 1930, стр. 105.

²⁴ Н. Новомбергский. Указ. соч. Т. I, № 325; Б. Тихомиров. Указ. соч., стр. 105.

²⁵ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов. Т. II, ч. II. М. 1959, стр. 25, 168, 185; т. III. М. 1962, стр. 86, 392; И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 139—140, 145—147, 173.

²⁶ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Т. III, стр. 419; Н. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб. 1859, стр. 145, 164; Б. Тихомиров. Указ. соч., стр. 104; С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Пгг. 1923, стр. 82—83.

во младенчестве из Немецкой слободы у иноземца на обмен. Царица-де родила царевну, и вместо царевны взяли ево, государя, и царевну отдали вместо ево»²⁷.

Разгром Петром I в 1718 г. реакционной оппозиции, группировавшейся вокруг царевича Алексея Петровича (о чем население было широко оповещено царскими указами, читавшимися на площадях и в церквях), а затем таинственная смерть царского сына породили многочисленные слухи. Крестьяне считали, что царевич Алексей жив, и, идеализируя его, представляли поборником православия, старинных обычаев, даже защитником народа. После восстания К. А. Булавина среди крестьян разнеслась весть (Тамбовский уезд, 1708 г.), что царевич ходит по Москве в окружении донских казаков и приказывает бросать в ров бояр московских, а Петра I за отца не признает: он «не настоящий царь». В 1715 г. в Нижегородском уезде был задержан сын рейтара из г. Углича А. И. Крекшин, который под именем «царевича Алексея» три года скрывался от царской службы у крестьян. Они его кормили и поили²⁸. В начале 20-х годов XVIII в. среди крестьян разных районов России циркулировал слух о появлении «царевича Алексея», который якобы собирается выступить против царя. В конце 1724 г. в г. Почепе был арестован и доставлен в Петербург самозванный «царевич Алексей Петрович». На допросе в Преображенском приказе выяснилось, что имя царевича присвоил себе солдат 2-го гренадерского полка Александр Семиков, сын сибирского пономаря. По приговору Сената 22 ноября 1725 г. ему отрубили голову и отослали ее в Почеп для устрашения населения²⁹. Такая участь постигла в том же году и другого «Алексея Петровича», объявившегося в Астрахани. Им оказался извозчик 1-го гренадерского батальона Евстафий Артемьев, бывший дворцовый крестьянин Симбирского уезда. На исповеди Артемьев сказал священнику М. Харитонову о том, будто он «царевич Алексей Петрович», надеясь с его помощью получить поддержку у астраханского епископа на случай преследований со стороны местных властей. Однако Харитонов отказал ему в исповеди, заявив, что подлинный царевич «престался». Артемьев продолжал настаивать, утверждая, что умер не Алексей Петрович, а другой человек. Об этом разговоре священник рассказал одному из своих знакомых, а тот донес местной администрации. Самозванец был схвачен и казнен. Несколько раньше, в 1723 г., в Вологде появился еще один «царевич Алексей Петрович», которым назвался нищий Алексей Родионов³⁰. Все названные самозванцы выступали в одиночку, и они быстро попадали в руки царских чиновников. Однако их появление в различных районах России по-прежнему свидетельствовало о царистских настроениях крестьянства.

В 30—50-х годах XVIII в. самозванство усилилось. Из пяти самозванцев (Андрей Холщевиков, Тимофей Труженик, Парнон Стародубцев, Андрей Обудин, Иван Миницкий) четыре выдавали себя за царевича Алексея Петровича и один — за сына Петра I, Петра Петровича. Последующие самозванцы (Яков Татаринцов, Артамон Чевычелов и Михаил Рандачич) просто именовали себя императорами или самодержцами, не связываясь с каким-либо конкретным лицом. Из этих восьми самозванцев четверо по происхождению были крестьянами, двое — казаками, один — однодворцем, а другой — работным человеком. Появлялись они в Московской, Нижегородской, Воронежской, Киевской и Оренбургской губерниях, и повсюду крестьяне, казаки, бурлаки, солдаты, раскольники оказывали им поддержку³¹. В августе 1732 г. Московская контора Тайной канцелярии донесла императрице Анне Ивановне, что в Тамбовском уезде пойман самозванец «царевич Алексей Петрович». Вместе с ним задержали нескольких крестьян и однодворцев. Их неоднократно допрашивали, устраивая очные ставки, пытали на дыбе и наказывали кнутом в застенках Тайной канцелярии, пока не добились признания. Оказалось, что летом 1732 г. среди крестьян Тамбовского уезда появился человек, называвший себя «царевичем Алексеем Петровичем». При встречах с крестьянами он не раз говорил им: «Я-де не мужик и не мужичий сын, я-де Орел, Орлов сын, мне-де Орлу и быть, я-де царевич Алексей Петрович, и еСТЬ-де у меня на спине крест и налево родимая шпага». В одной из деревень он заявил крестьянам: «Что-де вы, народ, знаете, кому присяга была, мне-де, не мне». После этого он сказал, что были указы о присяге ему «и на монетах-де персона пишется моя, да и по господам по всем моя персона разослана»³². Именовавший себя «царевичем Алексеем Петровичем» Т. Труженик, в прошлом беглый крестьянин вотчины Новодевичьего монастыря, долго скитавшийся по России, должно быть, слышал о том, что при воцарении

²⁷ Цит. по: Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М. 1957, стр. 167—169.

²⁸ Там же, стр. 175—179.

²⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IX. М. 1963, стр. 190; С. Лашкевич. Исторические замечания о смертной казни Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексея Петровича. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (далее — «ЧОИДР»). Кн. I, отд. I, 1860, стр. 141—146.

³⁰ М. Н. Проктопович. Об извозчике 1-го гренадерского батальона Низового корпуса Евстафее Артемьеве, называвшемся царевичем Алексеем Петровичем. «ЧОИДР». Кн. I, отд. V, 1897, стр. 9—14; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 190.

³¹ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М. 1958, стр. 325—326.

³² ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 187, лл. 5, 5 об.

Анны Ивановны в феврале 1730 г. Верховный тайный совет заказал несколько ее портретов, которые были посланы за границу. Мысль о самозванстве у Труженника появилась после издания Анной Ивановной 17 декабря 1731 г. указа «об учинении присяги в верности наследнику всероссийского престола, который от с. и. в. назначен будет»³³.

Видимо, крестьяне не сразу поверили, что Труженник — царский сын. Во время одного из разговоров с ними Труженник так объяснял свое происхождение: «Я-де Труженник, мне-де бог велел так тружатца. Буде вы не верите, что я царевич, есть ли-де у вас такой человек, который бы, смотря на землю, узнал, как его зовут, тот бы-де показал вам о мне подлинно». В другом случае самозванец заявил сомневающимся: «Я-де царевич и работать не умею. Я-де хотя на вид мужик и руки-де и ноги и волосы мужичьи, да не мужичей я сын и не мужик буду». Он прибегал и к более сильным аргументам, чтобы поразить воображение крестьян, поведав им, что знает, где в погребке хранятся три котла з денгами да три знамя. И сидят-де в том погребу у казны приставы три духа умерших — Кудеяр, да царь Иван, да царь Александр Македонский, да живой старый император. Я бы-де ево, императора, выпустил всн, да как-де ево выпущу, тогда-де вся колесница потресетца и будет от него, императора, в неправде всем суд». В этом рассказе о богатствах сказочного подземного города причудливо объединяются реальные исторические лица и полубогатырские персонажи (Кудеяр). Труженник сулил крестьянам несметные богатства: «Я-де царь буду и бог и многое множество казны будет». Тех, кто пойдет с ним, он обещал одарить «златом и серебром и золотыми каретами. И хлеба-де столько не будет, сколько золота и серебра». Свои рассказы о «чудесах» и наличии у него на теле «царских знаков» самозванец сопровождал обещанием «милостей» после того, как «это дело сделаетца, то есть он займет императорский трон. «И бояром-де не житье будет, а которые и будут и тем-де хуже мужика найдитца. И буду их судить с протазанами(копьями), воткня в ногу, как было при царе Иване Васильевиче» (намек на Ивана IV, поразившего таким способом стремяного Шибанова). Труженник обещал однодворцам избавление от тяжелой службы в местной страже и отмену подушной подати, а также защиту южных районов России от набегов кочевников: «орды все» будут «преклонятца к белому царю»³⁴. Таким речам самозванца с надеждой внимали крестьяне и однодворцы.

Летом 1732 г. в Тамбовском уезде появился еще один самозванец — «царевич Петр Петрович». То был беглый драгун Нарвского полка Ларин Стародубцев. Он потратил немало усилий, чтобы убедить население в своем «царском происхождении». Казаки станицы Яменской, где Стародубцев жил с женой и падчерицей, не поверили в то, что он «царевич». Ему пришлось покинуть станицу. В другом месте Стародубцев стал уверять, что у него есть «брат царевич Алексей Петрович», с которым он собирается идти царствовать на Москву. Стародубцев несколько раз посылал к Т. Труженнику крестьян, чтобы разузнать о его планах, и, видимо, сам с ним встречался. Ларина Стародубцева поддержали беглые крестьяне, бурлаки, голытьба, жившая в Тамбовском уезде. Они деятельно агитировали в пользу новоявленного «царевича», у которого будто бы есть брат «царевич Алексей Петрович». 24 бурлака составили письменную клятву «верно служить его величеству Петру Петровичу»³⁵. «У Петра Петровича, — уверяли сподвижники Л. Стародубцева, — есть на груди звезда, а на спине месяц, и он подлинный царевич». В их рассказах повторялась легенда о «подменном царе»: «Петр Петрович» был «за царство посажен 12 лет. И у боярина-де был сын и тому царевичу пришел лик в лик». Когда сын боярина умер, то «боярин того мертвого своего сына вменил в царевичи, и будто оной царевич умре, а этого-де царевича сvez». Отсюда делался вывод, что Стародубцев является настоящим «царевичем»; при этом не уточнялось, чей он был сын. Такое повествование убеждало не всех. Например, в станице Карповой казаки арестовали посланца Стародубцева Ф. Хохлачева³⁶. Сам Стародубцев рассылал «письма» и «ерлыки» жителям окрестных сел и деревень. В них сообщалось, что «проявился Петр Петрович», сын «старого даря и не императорской» (то есть не сын Петра I), который пошел «свои законы искать, отцовские и дедовские», осуждался действия Петра I в отношении стрельцов, рейтар, копейщиков и особенно казаков, лишенных многих привилегий. Новоявленный царевич обещал всячески жаловать казаков, «дабы постояли за старую веру и за чернь, как бывало при отце нашем и при деду нашем», и обращался к бедноте: «И вы, голотвенные люди, безпрютные бурлаки, где наш глас не слышится, идите до старого закону денно и ночью». О себе «царевич» говорил, что он «от императора в темнице за старую веру сидел два раза» и не подчинялся плохим законам императора, который «излюбил себе власников кормных боравев». Во время скитаний он побывал в Чернигове, Киеве, распространяя «ерлыки». Теперь, писал Стародубцев, «хошу умышлением своим вступить на отцовское и дедовское попелище». В «ерлыках», адресованных казакам, содержался интересный призыв: «Галутву вам бы не изгнать, также и бурлак, которых без-

³³ Г. В. Есипов. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенской и Тайной канцелярии. СПб. 1880, стр. 416—417.

³⁴ ЦГАДА, Госархив, р. VI, д. 187, лл. 5 об., 7.

³⁵ Там же, лл. 15, 99.

³⁶ Там же, лл. 7—7 об., 10 об.— 13, 15, 24—27.

утаенных, не изгнать»³⁷. Эти строки любопытны тем, что они отражают определенные противоречия между голытьбой, среди которой было много беглых крестьян и посадских людей, и зажиточной частью казачества. В «письмах» Стародубева говорилось об основных требованиях, которые позже выдвигались крестьянством во время восстания Е. И. Пугачева: освобождение от власти помещиков, уничтожение наиболее тяжелых налогов и повинностей, защита старообрядчества. В них нашли отклик настроения, характерные для низших категорий служивых людей (казаки, однодворцы, стрельцы и другие), чьи сословные привилегии были ущемлены Петром I.

Если Т. Труженик, Л. Стародубцев и другие самозванцы на первых порах обычно действовали тайком, в отдаленных местах, то И. Миницкий, назвавшийся в 1738 г. «Алексеем Петровичем», поступил иначе. Находясь с партией рабочих людей в селе Ярославца Бобровской сотни Киевского полка, Миницкий старался убедить не только солдат сопровождавшей их команды, но и возглавлявшего их наказного атамана и местного священника Г. Могилю в том, что он «царевич». Он обещал всем «волю» и мир с Турцией, с которой шла в то время война. В ответ солдат Стрелков заявил ему: «Хотя-де дойдет до больших наших бояр и хотя-де донесется и самой государыне императрице, мы готовы за тебя стоять». Стрелков и другие солдаты на виду у всех жителей села несли круглосуточное дежурство у избы, в которой жил «царевич». Перед походом на Москву и Петербург Миницкий отслужил торжественный молебен, с разрешения священника вошел «царскими дверьми» в алтарь, взял евангелие и крест и вышел к народу. Многие крестьяне, бывшие в церкви, узнав о «царевиче», «прикладывались» к кресту «и целовали у негого самозванца руку». То же самое сделал и священник. После молебна «петь было многолетие и звон колокола имелся». Богослужение и «крестоцелование» крестьян, сопровождавшееся стрельбой из ружей, должно было убедить крестьян в том, что объявился подлинный император. Самозванец, оказавшийся мелким польским шляхтичем И. П. Миницкий из г. Поддубны, вскоре был схвачен и посажен на кол вместе со священником Г. Могилой. Поддерживавших его солдат четвертовали³⁸.

Одним из своеобразных проявлений обострения классовой борьбы крестьян было самозванство, которое во второй половине XVIII в. заметно возросло. За 32 года (1764—1796) в России объявились 24 самозванца³⁹. Большинство из них были беглые крестьяне, солдаты, однодворцы. В результате дворцового заговора и убийства императора Петра III (1762 г.) к власти пришла Екатерина II. Эти события получили своеобразный отклик и в народе. По стране поползли слухи, что Петр III не убит, а остался жив и скрылся. Народная молва стала идеализировать личность императора, связывая с его именем надежды на улучшение положения крестьян. Новую пищу для толков дало убийство в 1764 г. номинально царствовавшего 13 месяцев, а затем почти 23 года находившегося в заключении Ивана Антоновича⁴⁰ во время неудачного заговора подпоручика В. Я. Мировича; хотевшего возвести его на престол и свергнуть Екатерину II. Слухи о том, что Петр III жив, распространялись в Центральной и Южной России, на Украине и в Оренбургской губернии. Расширение «географии» самозванства свидетельствовало о нарастании классовых противоречий в стране. В 1764 г. появились первые «самозванные императоры» — Николай Колченко (на Украине, под г. Глуховом) и разорвавшийся армянский купец Антон Асланбеков. В последующие годы стало известно о новых самозванцах, которые заявляли о себе в различных районах Российской империи. Один из них, беглый рекрут Иван Евдокимов, объявился в Нижегородской губернии в феврале 1765 г. и назвался Петром II. Он распускал о себе самые невероятные слухи, будто князя Д. М. Голицына, И. А. Долгорукий и граф Миних уговорили его поехать с ними на охоту, а сами тайно увезли в Италию, где он «закладен был в столб каменный на королевском дворе; в столбе было маленькое окошко», через которое он получал хлеб и воду. «Петр II» просидел в столбе 24 с половиной года. Благодаря появившейся в столбе трещине ему удалось освободиться из неволи. «Считая это действием святого духа, он тайно вышел из столба», пошел в Россию, провел в пути девять лет и в 1764 г. оказался в Керженских лесах⁴¹.

Слухи о самозванцах находили отклик у страстно желавших освобождения от крепостного гнета крестьян и однодворцев, собиравшихся тайком, по ночам, чтобы узнать новости о законном «императоре». В отдельных районах самозванцев поддерживали казаки, некоторые солдаты, раскольники, часть низшего духовенства, недовольного секуляризацией церковных вотчин в 1764 году. Кое-где священники встречали самозванцев торжественными молебнами, колокольным звоном, после чего приводили крестьян к присяге новоявленному «императору». Особенно сильные волнения были на Дону в 1772 г. в связи с появлением там «Петра III» — беглого крестьянина графа

³⁷ Там же, лл. 15—16, 22, 42, 74—80 об.

³⁸ Там же, д. 192, ч. 2, лл. 250—254; С. М. Соловьев. Указ. соч. Кн. X, стр. 661—663.

³⁹ К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки». Т. 31. 1950, стр. 88—135.

⁴⁰ См. С. С. Лурье. Из истории дворцовых заговоров в России XVIII века. «Вопросы истории», 1965, № 7.

⁴¹ К. В. Сивков. Указ. соч., стр. 99—101, 105—106, 108.

Р. И. Воронцова Федота Ивановича Богомолова, служившего до этого в легионной команде под именем Федота Казина⁴².

Рост самозванства был своеобразным предвестником крупнейшей в истории России антифеодальной крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Почва для появления «Петра III» — Е. И. Пугачева была вполне подготовлена. Одновременно с ним под именем Петра III выступили и другие самозванцы: капитан 3-го батальона в г. Оренбурге Николай Кретов (сентябрь 1773 г.) и дворцовый крестьянин села Кирсанова, Тамбовского уезда, И. М. Мосягин (1774 г.), но их попытки не имели успеха⁴³. Необходим был приход такого талантливого народного вожака и организатора, сумевшего с огромной силой выразить народные чаяния о лучшем будущем, каким явился Емельян Иванович Пугачев, чтобы имя «третьего императора Петра Федоровича» смогло всколыхнуть и поднять на борьбу с крепостничеством сотни тысяч забитых и задавленных нуждой крестьян, казаков, рабочих людей, а также представителей нерусских народностей⁴⁴. Бунтарская идеология Пугачева складывалась постепенно. К мысли назваться Петром III и от его имени поднять народное восстание он пришел не сразу. Первым шагом на пути к самозванству было заявление Пугачева еще под Бендерами в конце 60-х годов XVIII в., что он является крестником Петра I, который якобы подарил ему дорогую саблю. В 1772 г., будучи на Яике, Пугачев выяснил, что казаки готовы подняться на новое восстание. Тогда он осторожно стал внушать некоторым из них мысль, что является «императором Петром Федоровичем». Впервые Е. И. Пугачев заявил об этом на хуторе у казака Д. С. Пьянова. Вначале казаки отнеслись настороженно к словам Е. И. Пугачева, но затем решили его поддержать⁴⁵. Как говорил сам Пугачев на допросах, при первых встречах с казаками он показывал им «царские приметы» — белые пятна на груди, которые, по народному поверью, были признаком царского происхождения. На вопрос казаков, откуда эти раны, Пугачев ответил: «Когда-де в Петербурге против меня возмутились», то «гвардионцы кололи штыками». При этом он прибавил, что ему удалось бежать, так как его выпустил караульный офицер, после чего он скитался по России. Когда Д. С. Пьянов спросил о царицынском самозванце Богомолове (тоже «Петре III»), то Пугачев не растерялся и убежденно заявил, что он-то и «есть подлинно царь Петр Федорович; и хотя его в Царицыне поймали, однако ж он ушел, а вместо его замучили другого»⁴⁶. Эти сведения широко распространялись среди крестьян и казаков. Однако ближайшие сподвижники прекрасно знали, что Пугачев не «Петр III», а донской казак, и вместе с ним совершенно сознательно использовали идею самозванства, чтобы поднять народ на борьбу с крепостным гнетом. Об этом говорили на допросе сам Пугачев и его соратники.

Природный сметливый ум помогал Е. И. Пугачеву поддерживать среди восставших мнение о том, что он «настоящий император». Так, когда понадобилось подписать «манифесты» и указы, то Пугачев, чтобы скрыть от окружающих свою неграмотность, таинственно сказал: «...Мне-де подписывать не можно до самой Москвы для того, что не надобно казать мне свою руку, и есть-де в оном великая причина». Как показывал Пугачев на допросе, он неоднократно, всенародно и во всеуслышание заявлял, что хочет в Петербурге увидеть «сына Павла Петровича» и наказать «жену» и ее приближенных, а также говорил «много приличного к своему возвышению». Случалось, свидетельствовал Пугачев на следствии, «что при некоторых разговорах я и плакал, вспоминая в малолетстве якобы своего сына, государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, дабы через то более удостоверить простой народ в моей пользе». Для доказательства своей «подлинности» он использовал и пленных солдат, так как «мужики верят более солдатам, нежели казакам»⁴⁷. Вера основной массы крепостных крестьян и казаков в «царя-батюшку Петра III» была настолько велика, что вскоре после казни Е. И. Пугачева в Москве 10 января 1775 г. по России опять поползли слухи, что погиб кто-то другой, а «император» жив и скоро снова объявится. По другой версии, Пугачев лишь действовал от имени «Петра III», будучи его «фельдмаршалом», а сам «император» жив. В 1776 г. на юге России были арестованы несколько человек, распространявших такие слухи, а также новые самозванцы, которые носили имя «Петра III». Вплоть до конца XVIII в. появлялись самозванцы, именовавшие себя «Пет-

⁴² Подробнее см. Д. Мордовцев. Самозванцы и понизовая воляница. Т. 1. СПб. 1886, стр. 96—113; И. П. Козловский. Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII в. (1772 г.). «Известия» Северо-Кавказского университета. Т. X. Ростов-на-Дону. 1926, стр. 125—134; А. П. Пронштейн. Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону. 1961, стр. 304—307.

⁴³ К. В. Сивков. Указ, соч., стр. 117—122.

⁴⁴ См. Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Тт. 1—3. СПб. 1884; «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева». Тт. 1—2. Л. 1961—1966.

⁴⁵ А. И. Андрущенко. О самозванстве Е. И. Пугачева и его отношениях с яицкими казаками. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сборник статей. М. 1961, стр. 146—150.

⁴⁶ См. «Следствие и суд над Е. И. Пугачевым». «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 111—113; № 7, стр. 103—105.

⁴⁷ «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 113, 115, 117.

ром III» (М. Ханин — в 1780 г., Хрипунов — в 1786 г., и другие)⁴⁸. В те же годы среди крестьян получила широкое распространение легенда о том, что «Петр III» принял новое имя — «Метелкин». Когда появится Метелкин, то народ «сметет», перебьет помещиков и офицеров. Впервые об этом стало известно правительству после ареста крестьянина Ярославского уезда Тихона Игнатьева и солдата Ярославского пехотного полка Андрея Краюхина, который на допросе показал: «Шесть земель поднимаются и на низу есть батюшка Павла Петровича, прозывается Метелкин»⁴⁹. Угроза появления нового крестьянского «царя» наподобие Емельяна Пугачева не давала покоя русским псмещикам во время крестьянских волнений вплоть до середины XIX века.

Далее остановимся кратко на судьбах некоторых самозванцев, представлявших другое течение в самозванстве. Правительство Романовых пристально следило и за тем, чтобы в России не появлялись самозванцы из-за рубежа. В 1639 г. в Москве стало известно, что в Польше скрываются два самозванца. Одному из них было около 30 лет, он жил в Бресте и называл себя сыном Лжедмитрия I и Марины Мнишек («Расстригин сын»). Позже выяснилось, что это был сын польского шляхтича Иван Дмитриевич Луба (по другой версии — Иван Фаустин Луба), которого после смерти его отца в России воспитал шляхтич Белинский и называл «царевичем Московским для всякой причины». Другой самозванец именовался сыном царя Василия Шуйского Семеном. По имевшимся у русского правительства сведениям, Лжешуйский пришел с Украины в Самбор, жил у священника в работниках. Тот заметил у него «герб» на спине. В ответ на расспросы неизвестный назвался сыном В. И. Шуйского и сообщил, что попал в плен к «черкасам» ребенком, когда отца везли в Литву. Самозванца взял к себе шляхтич Данилович. Как и в начале XVII в., оба эти самозванца получили поддержку у правительства Речи Посполитой, но отказавшегося от агрессивных планов в отношении России. В 1643 г. русские полномочные послы в Польше князь А. М. Львов, думный дворянин Г. Пушкин и дьяк М. Волошенины получили тайный наказ от правительства добиться выдачи самозванцев, но их усилия не увенчались успехом. В 1646 г. русские послы в Турции узнали, что в Крыму скрывается еще один самозванец, «а называют его московским царевичем». Он якобы просил у крымского хана войско для похода на Москву, но тот отослал его к турецкому султану. Послы установили, что в роли самозванца подвизается беглый украинский казак Иван Вергун. После долгих скитаний он попал в плен к крымским татарам, которые продали его в Кафу. Здесь ему выжгли на спине «царские знаки» (половину месяца и звезду), и тогда он принялся утверждать, что является «московским царевичем», пойдет с ратью на Москву и станет «жаловать русских людей». Самозванец вызвал определенный интерес у крымского хана⁵⁰.

Одновременно послы узнали о существовании в Константинополе еще двух самозванцев. Один из них, 25 лет, убеждал, что он сын царя В. И. Шуйского Семена. Еще летом 1639 г. этот самозванец просил помощи у молдавского господаря Василия Лупу, заявив, что в детстве был увезен вместе с отцом в Польшу, в России же у него якобы осталась сестра. Самозванец показал знаки царского достоинства — на спине у него были выжжены звезда, крест и слова «сыне Шуйского». Дружественный России господарь отказался помочь Лжешуйскому и известил о его появлении русское правительство⁵¹. Другим Лжешуйским был беглый подьячий Тимошка Акиндинов. Его биография весьма характерна для политических авантюристов того времени. Т. Д. Акиндинов родился в 1617 г. в Вологде, в семье торговца. Рано научившись грамоте, он прочел много книг духовного и светского содержания, знал латынь, интересовался астрологией. Некоторое время он жил в доме вологодского архиепископа Варлаама, затем переехал в Москву, устроился подьячим в один из приказов, женился. Однако в столице Акиндинов вел весьма веселый образ жизни, кутил, запутался в долгах и осенью 1643 г., похитив 200 руб. казенных денег (огромную по тем временам сумму) «дворишко и жену свою сжег и с Москвы бежал безвестно». Вместе с ним скрылся и его приятель, «молодой подьячий» К. Е. Колюховский. В Новгороде-Северском, куда они бежали, Акиндинов то «назывался князем Тимофеем великопермским», то «воеводой вологодским, наместником великопермским». Затем беглецы появились в Польше, но, боясь выдачи русскому правительству, начали колесить по Европе, ища пристанища и поддержки то у одного монарха, то у другого. В 1645—1646 гг. они побывали у королей Польши и Венгрии, а затем у господаря Молдавского княжества В. Лупу, который хотел передать их русскому правительству. От него Акиндинову удалось перебраться в Турцию, где он и объявил себя сыном царя В. И. Шуйского. Возможно, мысль о самозванстве пришла Акиндинову во время его пребывания на подворье вологодского архиепископа Варлаама, близкого с людьми, недовольными династией Романовых. Там он мог слышать речи о самозванцах. Архиепископ, заметив сообразительного юношу, сказал ему как-то, что по своим способностям он «кня-

⁴⁸ «Русская старина», 1905, июнь, стр. 665; Д. Мордовцев. Указ. соч., стр. 307—326; К. В. Сивков. Указ. соч., стр. 122—135.

⁴⁹ К. В. Сивков. Указ. соч., стр. 122.

⁵⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. Тт. 9—10. М. 1961, стр. 248—254, 463—464.

⁵¹ Там же, стр. 464.

жеского рождения»⁵². Смерть царя В. И. Шуйского на чужбине, в польском плену, вызвала толки в народе и была использована разными авантюристами, в том числе и Акиндиновым, в своих интересах. Не получив поддержки у турецкого султана, хотевшего его обратить в мусульманство, чтобы сделать своим послушным орудием, Акиндинов бежал в Италию. В Риме он добился аудиенции у папы Иннокентия X и перешел в католичество, чтобы при поддержке римской церкви занять русский престол. С этой же целью он побывал в Венеции, Вене, Семиградье, Польше, на Украине, в Венгрии, Швеции. Однако никто не решался активно поддерживать авантюриста и сориться с таким сильным государством, как Россия. Будучи в Швеции, Акиндинов снова сменил веру и перешел в лютеранство. Но ему пришлось покинуть и эту страну. Он перебрался в Голштинию, где и был в конце 1653 г. выдан русским властям. Его пытали в присутствии многих бояр, устроили очную ставку с матерью и вынудили признаться в самозванстве, после чего он был казнен⁵³. Так бесславно закончилась продолжавшаяся 10 лет авантюра Т. Д. Акиндинова.

Новый авантюрист, претендовавший на русский престол, появился за рубежом почти 100 лет спустя. В январе 1747 г. к русскому резиденту в Константинополе И. И. Неплюеву пришли двое: русский Федор Иванов и его служитель, александрийский грек Перк. По словам Перка, его хозяин был сыном царя Ивана Алексеевича, правившего вместе с братом, царем Петром I. Мать «царевича» Прасковья Федоровна дала его якобы для «скрытия» греческому монаху Евфимию, который переодел мальчика в женское платье и через Астрахань уезв в Малую Азию. После этого монах трижды ездил в Россию и привозил от царицы драгоценные камни, продажей которых они и жили с «царевичем». Иванов объявил было о своем «царском происхождении» на Кипре и Афоне, но монахи не поверили ему. Тогда он явился в Константинополь и заявил о себе, надеясь, видимо, таким путем поправить свое материальное положение. Не добившись от Иванова объяснения, Неплюев приказал высечь плетью новоявленного царевича, сковать и отправить в Россию. В 1768 г. русское правительство получило донос от лекаря Лебедева на сына генерал-майора Опочинина, который будто бы выдает себя за сына императрицы Елизаветы Петровны и английского короля, бывшего в России тайно в свите английского посла, собирается свергнуть Екатерину II и передать власть ее сыну Павлу⁵⁴.

Через 20 лет, в 1788 г., в Прибалтике появился еще один авантюрист, Иван-Ульрих, 49 лет, назвавшийся императором Иоанном Антоновичем. Во время допроса Иван-Ульрих признался, что на мысль о самозванстве его натолкнул комендант Шлиссельбургской крепости, который якобы в 1762 г. выпустил его на волю, сказав: «Ищи случая и спасай жизнь, а я на твое место человека, похожего на тебя, уговорил». Этого человека позже заколола стража. Самозванец долгие годы бродил по России, был в Запорожье, Крыму, в Прибалтике. Он хотел узнать о своих «родителях», но был арестован по приказу курляндского герцога, которому показался подозрительным. Следствие установило, что самозванцем был кременчугский купец Т. И. Курдилов, скрывавшийся от долгов. Его дальнейшая судьба неизвестна⁵⁵. Довольно широкую известность получили «дочь» императрицы Елизаветы Петровны «княжна Тараканова»⁵⁶. Популярности имени этой самозванки способствовало позднее посвящение в 1864 г. на выставке Академии художеств в Петербурге картины К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова». Чтобы рассеять слухи в России и за границей вокруг имени самозванки, правительство Александра II приказало опубликовать материалы следствия по делу «княжны Таракановой».

Различные авантюристы, объявлявшие себя самозванцами, нередко, как видим, пользовались поддержкой враждебных России иностранных государств и обычно становились в таких случаях их послушным орудием в борьбе против России. Интересно отметить изменение позиции господствующего класса феодалов по отношению к самозванству. Если в начале XVII в., в условиях резкого обострения внутриклассовых противоречий часть бояр и дворян поддерживала Лжедмитриев, чтобы свергнуть неудобного им царя Бориса Годунова и посадить своего ставленника, то вскоре феодалы отказались от использования самозванства для достижения своих целей, так как убедились, что появление каждого нового «законного» царя служило поводом для развертывания антифеодальной борьбы трудящихся: крестьян, холопов, казаков, однодворцев и других. Оно отражало наивную веру народных масс в «хорошего царя»,

⁵² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V, стр. 464; Ю. Б. Симченко. Самозванец Акиндинов. Рукопись, стр. 16, 18—19.

⁵³ Подробнее см. Ю. Б. Симченко. Указ. соч., стр. 28—60.

⁵⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. XI. Тт. 21—22. М. 1963, стр. 495; его же. Замётки о самозванцах в России. «Русский архив», 1868, № 2, стр. 274—275.

⁵⁵ С. С. Лурье. Указ. соч., стр. 217—218.

⁵⁶ Подробнее см.: А. Голицын. О мнимой княжне Таракановой... Лейпциг. 1863; В. Н. Панин. О самозванке, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, по архивным источникам с документами. М. 1867; Э. Лунинский. Княжна Тараканова. Исследование по актам государственного архива. М. 1908; А. Платонов. Княжна Тараканова. М. 1912; С. С. Лурье. Княжна Тараканова. «Вопросы истории», 1966, № 10.

которая была присуща крестьянству. Характеризуя в этой связи борьбу деревни, страдавшей от непомерного гнета и нужды, В. И. Ленин писал: «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, они «боролись, как умели и как могли»⁵⁷. Вера в «хорошего царя» была, безусловно, крестьянской утопией, наиболее ярко выражавшей стихийность народных движений в России XVII—XVIII вв. в отличие от таких же движений в западноевропейских странах, где несколько ранее классовая борьба зачастую велась под религиозной оболочкой. Характеризуя живучесть абсолютистской монархии в России, В. И. Ленин писал: «Самодержавие держалось вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры»⁵⁸. В огромном по территории государстве, каким была Россия, с многомиллионным населением, при наличии различных разрядов сельских и городских жителей, разобщенных условиями своего хозяйствования, царская власть представляла собой своеобразный политический символ единства страны. На протяжении ряда веков складывался и укреплялся авторитет царской власти, с которой связывалось прекращение феодальных усобиц и объединение русских земель в единое государство, успешная борьба с шайтанами кочевников на южные окраины России, покорение Сибири и многое другое. Большую роль в распространении царистских иллюзий среди населения сыграла и персонификация государственной власти в лице царя, что постоянно внушалось народу в указах. В укреплении авторитета царской власти огромная роль принадлежала православной церкви, изо дня в день твердившей, что царь — наместник бога на земле. «На этой почве, — указывал В. И. Ленин, — беспрепятственно росло и лицемерно распространялось учение о неразрывном единении царя с народом и народа с царем», учение о том, что самодержавная власть царя стоит выше всех сословий и классов народа, выше деления на бедных и богатых, что она выражает всеобщие интересы всего народа»⁵⁹. Непрерывавшаяся борьба трудящихся против помещиков и феодального государства свидетельствует о том, что «единения народа с царем» никогда не было и не могло быть. В то же время трудовой народ обращался к идее самозванства, чтобы с помощью «хорошего царя» добиться улучшения своей жизни. Ознакомление с историей самозванства обнаруживает любопытную черту: конец старой и появление новой династии, таинственная смерть царя, появление на престоле женщин, малолетних детей, их гибель — все это вызывало многочисленные толки в народе, а тем самым создавало благоприятную почву для появления самозванцев. Характерно также, что почти во всех случаях крестьяне выступали в поддержку «истинного» царя, тем самым пытаясь в условиях той эпохи найти «законную» форму своему протесту. Лозунг «хорошего царя» в начале крестьянских восстаний помогал мобилизовать силы. Однако затем этот же лозунг стал тормозить действия повстанцев и сковывать их активность⁶⁰. Сохранение в течение длительного времени патриархальных устоев в деревне обусловило этот наивный монархизм крестьян. Но по мере изменения социально-экономической и политической обстановки в России, сопровождавшегося развитием буржуазных отношений и разложением феодально-крепостнической системы, постепенно изменялись и формы классовой борьбы. Поэтому не случайно в XIX в. царистские настроения крестьян несколько ослабли, а самозванство постепенно изжило себя.

⁵⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 194.

⁵⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 180—181.

⁵⁹ Там же, стр. 181.

⁶⁰ И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 91—92, 308—309 и др.